

**КОСОВО И МЕТОХИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ ПЕРВОГО РУССКОГО ВИЦЕ-
КОНСУЛА В ПРИЗРЕНЕ Е.М. ТИМАЕВА (1866–1869)**

М.Ю. Анисимов

На основе архивных документов представлена деятельность первого русского консула в Призрене Е.М. Тимаева. На основании изучения донесений Тимаева автором показано, как сложно складывались отношения между сербами, которых поддерживало русское консульство, и албанцами. Из донесений русского консула видно, что сербы, находившиеся под давлением турецких властей и католических священников края, были раздираемы внутренними конфликтами и не смогли оказать организованного отпора. Автор показывает роль русского консула в урегулировании положения сербов, а также сложную личную судьбу Тимаева в Метохии и Призрене.

Ключевые слова: Тимаев, вице-консул, сербы, албанцы, Косово, Призрен, православные, власти.

Донесения Е.М. Тимаева – первого русского консула в Косово и Метохии – из Призрена до сих пор малоизвестны, несмотря на то что он был первым русским дипломатом в столь важном регионе, как Косово и Метохия. Частично некоторые донесения в работе использовал известный славист А.М. Селищев¹. Но целостного анализа донесений Тимаева до сих пор нет. В то время русская дипломатия только знакомилась с положением тогдашнего Призренского санджака.

Представительство в Призрене решено было открыть в 1864 г. чтобы разгрузить консульство в Скадаре и усилить внимание к событиям в Косово и Метохии, но фактически реализовалось оно лишь в 1866 г. Первым русским дипломатом в крае в ранге вице-консула был назначен титулярный советник Евгений Матвеевич Тимаев, до того 4 года проработавший в Битоли секретарем консульства.

Тимаев получил две инструкции, одну от Азиатского департамента МИД, вторую – от российского посла в Стамбуле графа Н.П. Игнатьева. В первой, утверждённой императором Александром II 21 мая 1866 г., ему предписывалось обратить особое внимание на положение православных и настаивать перед местными турецкими чиновниками на их защите от произвола со стороны властей и «мусульманских арнаутов». Признавалось, что турки будут оказывать препятствия в выполнении требований вице-консула, и вместе с тем Тимаеву предписывалось избегать обострения отношений с губернатором и чиновниками. Кроме этого, Тимаев должен был особо препятствовать усилению австрийской и, в целом, католической пропаганды в среде сербов, учитывая, что «национальность самих жителей

¹ Селищев А.М. Славянское население в Албании. София, 1931.

и духовная связь их с Россией облегчает ... противодействие западной пропаганде»². Дополнительные указания Тимаеву должен был дать Н.П. Игнатьев.

Выдающийся дипломат России, прекрасно знавший Балканы, Н.П. Игнатьев особо обращал внимание Тимаева на албанские племена, признавая, что русские дипломаты ещё очень мало знают об их жизни и настроениях. Дальновидный Игнатьев писал Тимаеву: «... Пребывание Ваше в Битоли, ознакомившее Вас с значением албанского племени в будущих событиях Балканского полуострова, приготовило Вас к предоставляемой Вам ныне деятельности»³. Относительно сербов Игнатьев указывал вице-консулу, что Призренский санджак является частью Старой Сербии, с которой связаны все исторические воспоминания сербского народа, оттесненного на север албанскими племенами, и сербы считают, что рано или поздно край обязательно станет частью Сербии. «Сочувствуя развитию сербского народа, – писал Игнатьев, – мы не можем противиться подобным стремлениям», поэтому вице-консулу по возможности нужно тайно оказывать содействие сербским агентам.

Н.П. Игнатьев особо обратил внимание Е.М. Тимаева на тот факт, что вблизи Призрена расположена древняя Дечанская лавра, одна из главнейших святынь сербов, разоренная албанцами. Вице-консулу вменялось поддерживать обитель, защищая от попыток католиков взять её под своё покровительство. Тимаеву предписывалось наладить дружественные отношения с митрополитом Рашко-Призренским. В дополнении к инструкции МИДа Игнатьев рекомендовал консулу сохранять хорошие отношения с местным пашой и его подчинёнными, считая их залогом успеха миссии⁴. Игнатьев надеялся, что опыт Тимаева и преимущественно наблюдательный характер его миссии позволит ему избежать осложнений с местными властями ввиду того, что учреждение русского представительства в Призрене «весьма неприятно для турецкого правительства»⁵.

12 августа 1866 г. Е.М. Тимаев, прибыл в Призрен и был восторженно встречен сербским населением. Он писал, что православные знали о его прибытии и уже несколько дней толпами ходили за город его встречать. Тёплый прием сербов растрогал вице-консула.

Уже на пути из Скадара Тимаев увидел, что в тех местах «авторитет турецких властей совершенно не существует и что тут господствует другая власть»⁶. Этой другой властью были албанские старшины или же просто главари местных банд. С одним из таких бывших разбойников, теперь поддерживавшим в своей округе собственный порядок, Тимаев общался по дороге, выясняя, почему албанцы не занимаются земледелием, несмотря на то, что окрестные поля были богато засеяны кукурузой и хлебами. Из разговора Тимаев сделал вывод, что албанские племена малисоров, разбойничая, тем самым мстят туркам за гибель государства Скандербегга. Они не платили туркам налогов, не давали рекрутов, жили замкнуто, и турки боялись появляться на их землях. Поездка из Скадара в Призрен позволила Тимаеву доносить Игнатьеву, что «в окрестностях Дьякова (Джаковицы – М.А.) и При-

² Архив внешней политики России (далее – АВПРИ). Ф. ГА IV-2. Оп. 119. 1866–1869 гг. Д. 6. Л. 11.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 24 об.

зрена господствует полная анархия»⁷. Христианское население в ужасе бежит из Печа, где сербов совершенно безнаказанно притесняют мусульмане. Местные власти ничего не могут с этим сделать, так как печский мудар (начальник округа – нахии – М.А.) фактически осажден албанцами в своем доме. Более того, у Дьякова собрались более 1 100 албанцев и угрожают напасть на город, хотя там расположен полк регулярной турецкой армии. Даже в Призрене ночью разбойники постоянно грабят дома православных, и, более того, вокруг города собрались около 400–700 албанцев из с. Остроzub. Поводом для осады стало то, что один из жандармов застрелил их односельчанина. Попутно остроzubцы требовали от губернатора снижения податей и увольнения некоторых чиновников, и губернатор, спешно поставивший под ружье всего лишь 160 солдат и 300 волонтеров-башибузуков, вынужден был удовлетворить их требования, наглядно продемонстрировав свою беспомощность.

Однако по сравнению с дальнейшими событиями всё изложенное было всего лишь предысторией. 14 октября Е.М. Тимаев в зашифрованном донесении сообщил о начале крупномасштабных столкновений албанцев-мусульман и албанцев-католиков. Поводом к ним был переход одной мусульманки в католичество и её побег в католическое село племени фанди. Мусульманские племена, давно ненавидящие фанди, обвинили их в похищении девушки и напали на их села.

Племя фанди в количестве примерно 4 000 человек переселилось в Метохию, в окрестности Дьякова, примерно за 20 лет до описываемых событий. Поскольку своих земель у них не было, они арендовали земли у албанцев-мусульман и населяли там около 30 сёл. Остальные мусульмане ненавидели их как пришлых и иноверцев, кроме того, фанди, в отличие от православных, всегда дружно давали отпор мусульманам и отвечали смертью за смерть. При этом никаких отношений с православными сербами фанди не поддерживали. Сербы, формально не участвовавшие в конфликте, обратились к Тимаеву с сообщением о том, что мусульмане предложили им действовать сообща по изгнанию фанди обратно в Северную Албанию, и просили разрешить им присоединиться к мусульманам. Тимаев согласился, так как хотел видеть Старую Сербию «без латинян», и посоветовал сербам добиться от мусульман обещания жить с ними мирно. Впоследствии это было расценено начальником Азиатского департамента П.Н. Стремоуховым как серьёзная ошибка вице-консула, поскольку такой совет мог привести «к религиозному междоусобию». «Ваша обязанность состоит в тайном противодействии проискам западной пропаганды, отнюдь не возбуждая против католиков неприязненных действий», – обращался он к Тимаеву.

Однако мусульманам-албанцам было не до переговоров с православными. Тимаев передавал разговор на рынке между покупателем-мусульманином и торговцем-православным: «... вы, гяуры, уже подняли головы со времени приезда сюда русского консула. Подождите, старое время опять наступит»⁸. Столкновения с соплеменниками-католиками были для албанцев всего лишь очередным поводом воспользоваться бессилием властей, ограбить православные церкви, дома сербов, отнять их земельные участки и имущество. В Печской нахии были разграблены села Сверке, Берково и Крушево, несмотря на то что в них было только 2–3 дома католиков, а остальные – православных. Албанцы напали и на Дечанский мона-

⁷ АВПРИ. Ф. ГА IV-2. Оп. 119. 1866–1869 гг. Д. б. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 40 об.

стырь, разломали его стену и грозились снести колокольню. Стоявшая в монастыре для его охраны рота турецких редифов (солдат-резервистов) не вмешивалась, а местный суд, из страха перед албанцами, заставил настоятеля монастыря пообещать не восстанавливать стену. Подобная отстранённость турецких властей заставляла вице-консула задумываться о её причинах. Доверенное лицо местного паши заявил Тимаеву, «что политика Турции состоит в том, чтобы возбуждать фанатизм мусульман против христиан в здешнем санджаке, как пограничном, и преимущественно в том, чтобы разъединить Болгарию от Черногории и Черногорию от Сербии». Тимаев, со своей стороны, подтверждал такие слова и сокрушался: «... какое множество благородных, честных и способных жертв славянского народа падает вследствие подобной ограниченной политики!»⁹.

Вице-консул отмечал и то, что турецкие власти не имеют никакого авторитета у албанцев и просто боятся их. Естественно, и речи не было о том, чтобы турецкие начальники арестовывали албанских разбойников – в тюрьмах находились только сербы. При этом Тимаев отметил примечательный факт – те мудиры в Дьякове, которые умели держать албанцев под своим контролем, быстро переводились в другие места.

Масштабы межалбанских столкновений осенью 1866 г. и жалобы австрийских дипломатов и католического епископа Призрена Дарио Буччарелли заставили Порту принимать меры по подавлению беспорядков. Она сменила губернатора и стала переводить в Призренский санджак новые войска. Однако пока турки собирали силы, беспорядки вспыхнули снова. Столкновения албанцев-мусульман с албанцами-католиками происходили, в тех краях, где католиков почти не было (например, в Печской нахии). Албанцы разрушали православные дома, церкви, мельницы, сжигали дрова и книги, грабили, избивали, насиловали, вымогали деньги, издевались над сербами. Тимаев писал: «Мне пишут из Печа, что злодеяния арнаут неисчислимы, что страдания христиан непомерны и невыразимы, между тем как здешние турецкие власти уверяют, что все спокойно и ничего необыкновенного нет»¹⁰. Наряду с множеством фактов насилий над сербами, в том числе и со стороны жандармов и чиновников, Тимаев отмечал и некоторые отдельные факты ответных действий сербов. Так, в селах Крушево и Главичица в столкновении с сербами было убито 6 албанцев, а жители православных сёл Гораждевац, Киево, Дреново и Жак с намерением дружно защищаться построили укрепления. Это, видимо, дало результат, так как никаких фактов насилий в этих сёлах Тимаев не приводил, разбойникам-албанцам удалось только захватить у Гораждеваца 30 волов, отрубив руки мальчику-пастуху.

Беспорядки в крае вынудили вице-консула урегулировать отношения и, как только наметились признаки стабилизации обстановки, Е.М. Тимаев доложил Н.П. Игнатьеву об общем состоянии Призренского санджака. В его южной и западной части жили почти исключительно албанцы-мусульмане, на одного христианина здесь в селах приходилось примерно 7 арнаутов, а в городах – 10–12. В северной и восточной части санджака христиан было большинство. В самом Призрене было 12 000 домов, 11 000 из которых принадлежало мусульманам, 900 – православным и 100 – католикам.

⁹ АВПРИ. Ф. ГА IV-2. Оп. 119. 1866–1869 гг. Д. 6. Л. 43 об.

¹⁰ Там же. Л. 70.

Между тем албанцев в Призренском санджаке становилось всё больше и больше. Они расселялись из Северной Албании на землях от Ниша до Скопье и Нови Пазара, и турки вынуждены были переселять их в Болгарию и Малую Азию. Причина ухода жителей из горной Албании была проста – им не хватало земель. Как доносил Тимаев, «албанский народ все более и более овладевает землями под свое народонаселение, и, может быть, скоро придется ему играть некоторую роль в судьбах Европы при всем том, что ныне еще большая часть его находится в необразованном и почти диком состоянии»¹¹.

Самое трагичное в этой ситуации было то, что албанцы расселялись на территории, где проживали православные сербы, бесправное положение которых в Османской империи делало их лёгкой добычей для воинственных пришельцев. Тимаев отмечал: «... мы здесь часто видим, как арнауты насильно овладевают землями православных христиан»¹². Так, Дечанский монастырь ранее владел огромными земельными наделами и несколькими сёлами, ещё в начале 50-х гг. XIX в. албанцы-арендаторы выплачивали ему оброк, теперь же, у монастыря осталась только земля за монастырскими стенами, и права на неё уже оспаривались албанцами в судах. При этом на все земли монастырь имел фирманы от турецких властей, и даже устные предания албанцев признавали права сербов на эти земли.

Из-за бурных событий первой половины XIX в. будущее сербов в Косово и Метохии представлялось в самых мрачных тонах. Турки и албанцы привыкли к массовым переселениям народов, в том числе и в Призренский санджак – здесь уже расселились черкесы с Кавказа, татары из Крыма, турки из Сербии и албанцы-католики фанди из Северной Албании. Но албанцы-мусульмане уже считали Косово и Метохию своей землей и не хотели делить её даже с сородичами фанди. Особенно нетерпимым было отношение албанцев к сербам. Они не скрывали своих намерений изгнать сербов из края так же, как сербы изгнали турок из Сербии. Вице-консул считал, что в таком развитии событий был заинтересован и Стамбул.

По словам Е.М. Тимаева, «со стороны христианского населения отпора арнаутскому наплыву ни в каком случае не может быть потому, что христиане здесь слишком малочисленны, и потому, что они страшно разъединены»¹³. Разделение проходило как между католиками и православными, так и между самими православными. Сербы и влахи испытывали неприязнь друг к другу, и даже между самими сербами не было единства: «православные столь угнетены, столь запуганы, что каждый заботится только о сохранении своей жизни, своего спокойствия и своего достояния», более того, «... самые ничтожные причины производят между ними сильнейшую вражду», – писал Е.М. Тимаев¹⁴. Сербы вызывали друг на друга разбойников, сдавали своих соплеменников властям, судились с ними по любым поводам. В Пече, где террор албанцев был особенно силён, православные выступали против своего проты, который требовал денег для православного митрополита даже с самых бедных прихожан. В Дьяково у православных было всего 60 домов и два священника (один из которых был запрещён в служении митрополитом-фанариотом Мелетием), которые не терпели друг друга, и прихожане были разделены на две противоборствующие стороны. Как-то оба дьяковских священника

¹¹ АВПРИ. Ф. ГА IV-2. Оп. 119. 1866–1869 гг. Д. 6. Л. 61.

¹² Там же. Л. 61 об.

¹³ Там же. Л. 63–63 об.

¹⁴ Там же. Л. 63 об.

даже подрались на кладбище. В Призрене из 900 православных домов 150 принадлежали влахам, которые ссорились с сербами из-за соборного храма. Даже в Дечанах существовали противоборствующие из-за денег и власти группировки монахов, каждая из которых имела сторонников и среди окрестных мусульман-албанцев. Тимаев постоянно мирил сербов, зачастую безуспешно.

Митрополит Рашко-Призренский и Скендерийский Мелетий не мог сплотить православных, никакого влияния на них не имел, более того, преследовал сербский напев в церквах епархии, служил исключительно на греческом языке и требовал денег с самых бедных прихожан. Будучи бесправным перед турецкими властями он находился в постоянных длительных поездках по своей обширной епархии за подаванием. Финансовый вопрос для православных был самым болезненным – из-за постоянных поборов, службы становились фактически платными, случалось, что только по этим причинам православные переходили в иную веру. Тимаев просил у Игнатьева средств для раздачи сербам от благотворительных русских обществ.

Сообщая о многочисленных злоупотреблениях митрополита и священников (платные разрешения на брак и развод, случаи двоежёнства, причащение без исповеди, поставление в священнический сан недостойных людей), Тимаев предлагал разделить Рашко-Призренскую и Скендерийскую епархии, как это было ранее, и учредить в Дечанах духовное училище.

В начале июля 1867 г. Тимаев посетил Дечанский монастырь и заметил, что «... приходящий богомolec находит в нем не тихую отшельническую жизнь, но настоящий военный лагерь»¹⁵. Во дворе толпилось множество турецких солдат охраны, совершавших бесконечные омовения у источника, трубили военные трубы, для солдат была организована винная лавка, и ночью, они пьяные, бродили по монастырю. Ему удалось примирить монахов. По результатам выборов архимандрит Кирилл остался настоятелем, но лишился права ведения хозяйственных и денежных дел.

Соседняя Сербия, по словам русского дипломата, никакого влияния на косовских сербов не имела. Она была отделена от Косово и Метохии полосой Боснийского эялета, газеты и книги из Сербского княжества практически не доходили до края, не проходя турецкую цензуру, и Тимаев предложил иной путь. Путешественники из Греции постоянно бывали в южных частях санджака, приграничные с их страной. Он предложил Игнатьеву выхлопотать у турецкого правительства право свободного и безопасного проезда сербам Княжества, которые, хотя бы раз в год, хотя бы под именем богомольцев в некотором количестве приезжали в Дечанский монастырь, Грачаницу и так далее на поклонение старым сербским святыням»¹⁶. Это, по его мнению, «могло бы принести чрезвычайную пользу здешнему православному населению».

Было ли это следствием донесений Тимаева от ноября 1866 г., или же совпадением, но сербская агентура стала проявлять себя в Косово и Метохии. 14 апреля 1867 г. Н.П. Игнатьев отправил ему шифровку с сообщением, что к нему скоро придут сербские агенты, которые обратятся к нему с просьбой передать добытые ими сведения в Белград или другие русские консульства. Но верить им вице-консул может по предъявлению «пароля»: половины картофелины.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1867. Д. 2068. Л. 52.

¹⁶ Там же. Ф. ГА IV-2. Оп. 119. 1866–1869 гг. Д. 6. Л. 63 об.

Тем временем турецкие военачальники начали действовать против вооружённых отрядов албанцев, карательные войска прошли по городам и сёлам, затронутым беспорядками. Они дошли до границ Албании, но, после столкновений с албанцами-малисорами, были отозваны обратно. Эта карательная экспедиция не нормализовала ситуацию и ухудшила положение сербов: дома тех, кто не выплачивал налоги, подверглись разорению. Албанцы обвиняли в этой экспедиции христиан, заявляли, что разрушат Дечанский монастырь и убьют всех, кто защищает православных и католиков. Они возложили на сербов все свои потери, компенсируя убытки за счёт сербского имущества. Таким образом, по словам Тимаева, «православное население платит подати правительству за себя и за арнаут»¹⁷. Кроме того, албанские вожди устанавливали дополнительные поборы, например, за причастие (по пиастру на человека), а в с. Берково албанцы взимали с сербов поголовный сбор за право входить в церковь.

Турецкие власти после подавления восстания начали выплачивать компенсации пострадавшим. Естественно, они выплачивались в основном католикам-албанцам. Как доносил Тимаев, «с православными, как обыкновенно, турки обошлись самым презрительным образом»¹⁸. За разрушенный плетень из прутьев католикам-фанди выплачивали 600 пиастров, а за разрушенную каменную стену Дечанского монастыря выплат не последовало. Губернатор санджака Измаил-паша (первый в истории санджака губернатор-албанец) цинично заявил Тимаеву, что православные не пострадали, поэтому не жалуются, а следовательно, не получают компенсаций. Сербь, действительно молчали, так как при подаче жалобы избивались жандармами и чиновниками прямо в официальных учреждениях. Крестьянину Димитрию из села Локвицы избивавшие его говорили: «... пусть теперь придут русские войска, чтоб тебя спасти»¹⁹. Те же сербы, кто чудом получал какие-то суммы, лишались большей их части из-за вымогательств и воровства чиновников. Албанцы, отнимая у сербов имущество, заявляли им: «... если мы и берем ваше имущество, то султан вас опять вознаградит деньгами»²⁰.

31 января 1867 г. в дом вице-консула прибыли 9 сербских крестьян из сёл Печской нахии. «Эти крестьяне выразили мне все их горе и передали, как арнаути отнимают у них имущество, похищают жен и при всем том еще угрожают смертью»²¹. Они утверждали, что покинули бы свою родину, если бы не святыни – древние сербские монастыри и церкви. Они ничего не просили у русского дипломата, – просто пришли «излить» свое «горе»²². Глубоко тронутый таким спокойствием и смирением, Евгений Михайлович утешал сербов тем, что будет делать всё ради улучшения их участи. Он считал, что притеснения албанцев никогда не достигли бы таких масштабов, если бы турецкие власти не возбуждали антисербские настроения. Даже официальные судебные выплаты за убийства показывают это – за убитого албанца убийца платил 6 000 пиастров, а за серба – от 100 до 500. Печский мудир-турок приказал бросить в тюрьму Крсто Белича, жаловавшегося в Рамазан на мусульманина, и по дороге туда его били, приговаривая: «Где твои паши,

¹⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1867. Д. 2068. Л. 8.

¹⁸ Там же. Оп. 517/2. 1868. Д. 2069. Л. 11 об.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 32 об.

²¹ Там же. Оп. 517/2. 1867. Д. 2068. Л. 10.

²² Там же. Л. 10 об.

где твои консула! Пусть тебя теперь они спасут»²³. 20 сентября 1867 г. Тимаев докладывал, что турецкий полковник бранил православных торговцев, но перед этим выяснил у них, католики они или православные, «опасаясь получить от латина грубый ответ»²⁴.

Постоянный рост влияния католиков, присылавших в Призренский санджак образованных и подготовленных фратеров, также беспокоил Тимаева. Они имели в Призрене прочные позиции благодаря кардиналу Буччарелли и австрийскому консульскому агенту Петелинице. После появления в Призрене Тимаева в город прибыл секретарь французского консульства в Скадаре поляк Краевский, он вскоре стал управляющим французским консульством в Призрене и сблизился с православными, которые неприязненно отзывались о России. Не отставали и австрийцы – Вена выделила 10 000 франков на постройку нового собора, и, австрийские агенты заявили о намерении Австрии занять Старую Сербию.

Впрочем, французский дипломат Краевский пробыл в Призрене недолго, консульство упразднили. По известиям Тимаева, Краевский якобы так протестовал против факта избияния одного католика. Между тем до Тимаева дошли слухи, что» «... у арнаут ходит странный говор, будто г. Краевский, вследствие моих представлений, принужден был оставить Призрен»²⁵. Сами албанцы, как и сербы, приходили к вице-консулу с жалобами на турецких чиновников, в основном прося помощи для освобождения соплеменников, арестованных при подавлении беспорядков. Тимаев, как мог, помогал им, в ответ призывая их прекратить притеснения сербов.

Но эти призывы, как и действия турецких правительственных войск, ситуации не меняли: похищались сербские женщины и девушки, после нескольких дней похитители заявляли, что они сами захотели принять ислам. В с. Гатоуша и Сирник жандармы требовали от сербов похищенные разбойниками-албанцами деньги, собранные для выплаты подати. Сербов заставляли зимой стоять босиком на снегу целый день, на ночь их бросали в тюрьму, а наутро всё повторялось снова. Их били, издевались над верой, заставляя целовать палку, которой их избивали, заявляя, что это и есть их крест. «Да, тяжел крест христиан на Востоке!» – горестно замечал по этому поводу Тимаев²⁶. Когда же православные собрали выкуп в 700 пиастров, то жандармы скрыли при подсчёте 100, и избивали серба, обвиняя его в том, что он доставил меньше необходимого. Русский вице-консул обращался по этому поводу к Игнатьеву: «... покорнейше прошу императорское посольство изыскать какое-нибудь средство для облегчения участи православных Сырника»²⁷.

Другие случаи: на базаре мусульманин избил серба за то, что не уступил дороги, хотя последний стоял у стены своей лавки. В Дьякове в начале 1868 г. местный головорез албанец Таля Оса рыскал со своими подручными по улицам в поисках жертвы и наткнулся на православного Нешо Милова, бывшего каваса Тимаева. Милов оказался не робкого десятка и, когда разбойник схватил его за ворот, ответил тем же. Оса выстрелил в Милова и ранил его, ответным выстрелом Милов убил албанца. Раненый Милов вернулся домой, а утром его арестовали и бросили в тюрьму. Через несколько дней из тюрьмы был выдан труп Милова с ножевой

²³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1867. Д. 2068. Л. 11 об–12.

²⁴ Там же. Л. 75.

²⁵ Там же. Л. 81 об.

²⁶ Там же. Л. 105 об.

²⁷ Там же. Л. 106.

раной и следами удавки на шее. Виновников его смерти городская молва называла по именам, при этом, как отмечал Тимаев, никакой политической необходимости в убийстве Милова не было, так как весь город был рад смерти разбойника Осы. Тем не менее губернатор Измаил-паша приказал арестовать четырех товарищей Милова и хотел отрубить им головы, заявляя, что за одного убитого мусульманина нужно заплатить пятью жизнями православных. И только вмешательство комиссара Порты Ариф-бея, отменившего это распоряжение, спасло им жизнь.

Весной 1868 г. жандарм убил серба и бежал, но был схвачен. На допросе он стал всё отрицать, его освободили и посадили в тюрьму сербов, свидетелей убийства.

Когда же крестьяне-сербы убили трех притеснявших их разбойников, находившихся в розыске, и бежали в Сербию, то печский мудир без каких-либо причин отправил в тюрьму 5 православных.

Тимаев так резюмировал свои наблюдения: «Изучая здешние события, выходит, будто турецкое правительство не считает православных более своими подданными и будто разбойники-злодеи в Скопльском вилайете составляют особенного рода вспомогательное турецкое войско для подавления без того убитых православных»; «... можно верно выразится, что турки вполне привели в действие хатт-и-хумаюн²⁸, прибавя только – в противоположном смысле от обещанного», «несправедливости неисчислимы»²⁹.

Неудивительно, что сербы в Косово и Метохии могли надеяться только на русское вице-консульство. По приезде Тимаева призренские сербы построили ему резиденцию, хотя официально дом вице-консульства строил сам русский дипломат (он внёс только часть денежных средств и был инициатором их сбора), а албанцы считали, что дом вице-консульства строится за счёт русского царя. Этот дом Тимаев потом планировал передать Рашко-Призренской митрополии, он чувствовал себя «в некотором роде обязанным сербской общине» и, со своей стороны, пытался помочь ей в строительстве новой православной церкви в Призрене. Стройке мешало турецкое отхожее место, стоявшее на самом углу будущей церкви. Все старания Тимаева (он даже просил у Игнатьева ходатайствовать перед Портой, чтобы она издала указ о переносе этого места) ни к чему не привели – даже когда хозяин места согласился его перенести, то его отговорил от этого шага турецкий чиновник.

Тимаев был единственным защитником сербов. В письме Игнатьеву русский подданный серб Сима Андреевич Игуманов (Игуменов), долго живший в России, составивший там хорошее состояние в качестве торговца и теперь финансово помогавший своим землякам, писал о том, как было воспринято известие о закрытии русского вице-консульства в Призрене. Оставить «Здешний измученный, истощенный и нравственно изнемогший православный народ теперь совершенно испугался и растерялся после этого известия; он просто живой замер со страху. Встречаясь на улицах и в домах, каждый безнадежно покачивает головой и спрашивает друг друга: неужели наши братья русские опять бросят нас на произвол этих диких, свирепых, всегдашних наших мучителей – турок и арнаутов?». «Бедные сербы только и начали считать свои отрадные дни с тех пор, как приехал сюда рус-

²⁸ Султанский указ 1856 г., уравнивавший в Османской империи положение христиан и мусульман.

²⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1868. Д. 2069. Л. 33, 32 об., 36 об.

ско-императорский вице-консул; их счастьем и удовольствием не было пределов». «Бедному народу только и осталось всю свою надежду положить на наше вице-консульство; и, действительно, он видит, что и одной тени его достаточно для того, чтоб и турки и арнауты, равно и латины значительно сдерживали свою ненависть против православных». Если же консульство закроется то это, как писал Игуменов, «будет величайшее несчастье для православного народа в Старой Сербии». Наряду с этим серб сообщал Игнатьеву, что главной бедой в крае являются фанариоты, возглавляющие местную епархию, из-за которых многие сербы переходят в ислам, и что «самая лучшая помощь для здешнего православного населения – научное нравственно-христианское образование»³⁰. С русской помощью Симе Игуманову (1804–1882) удалось добиться своего уже при преемнике Е.М. Тимаева, И.С. Ястребове – в 1871 г. в Призрене была открыта православная семинария для сербов.

Упомянутый выше отъезд Тимаева в Стамбул был вызван его трениями с турецкими чиновниками в Призрене. Впервые Тимаев стал жаловаться на местных чиновников еще в октябре 1867 г.³¹ Он отмечал неуважение со стороны призренского мутесеррифа Измаила-паши, которое по мнению Тимаева, повторялось в поведении мусульманского населения, знавшим настроения во дворце паши. Вице-консул описал зарактерный для сложившейся ситуации эпизод. На улице он услышал оскорбительное бормотание дервиша: «... гяур, гяур, москоф гяур». Тимаев сделал вид, что не слышит, но дервиш бормотал ему вслед всё громче, и тогда вице-консул вернулся и ударил его своей тросточкой (Игнатьеву Тимаев написал, что тросточка при этом сломалась), спросив после, не хочет ли дервиш получить ещё. Дервиш ответил: «довольно», и Тимаев ушёл. Вице-консул отнесся к эпизоду очень серьёзно и следил за судьбой дервиша, которого турки арестовали, но вскоре выпустили.

Жалобы Тимаева на то, что Измаил-паша не отвечает на его ноты, вынудили Игнатьева обратиться к великому визирию Фуаду-паше с просьбой повлиять на призренского губернатора. 2 декабря 1867 г. Игнатьев написал Тимаеву, что Измаил-паша получит выговор за невнимание к представлениям русского вице-консула.

Тимаев между тем продолжал писать о подозрениях, что турецкие власти стараются возбудить лично против него мусульман и христиан, что за его домом следят и что некоторые турки по этой причине боятся посещать его дом³². Когда 5 февраля 1868 г. в Призрен вернулись из поездки губернатор Измаил-паша и комиссар Порты Ариф-бей, Тимаев (в отличие от австрийского консульского агента) не поднял над своей резиденцией флаг в знак приветствия, тем самым протестуя против бездействия властей в защите сербов. Сразу же после этого он телеграфировал в посольство в Стамбуле, что письмо визирия не имеет для Измаила-паши никакой силы, так как вице-консул не видит никаких изменений в поведении турецкого чиновника по отношению к нему.

Сообщения Тимаева становились всё тревожней. Он писал о том, что в Скадаре постоянно происходят провокации, распускаются слухи об угрозе жизни Тимаева, устраиваются драки с его людьми, к нему постоянно присылаются мусуль-

³⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1868. Д. 2069. Л. 43 об–47 об.

³¹ Там же. Оп. 517/2. 1867. Д. 2068. Л. 86.

³² Там же. Оп. 517/2. 1868. Д. 2069. Л. 10–10 об.

мане с разными просьбами, чтобы, в случае отказа или неспособности вице-консула помочь, просители были бы им недовольны. По слухам, ставшим известным Тимаеву, очередной отъезд из Призрена Измаила-паши был предпринят с целью снять с себя ответственность за готовящееся нападение на русское вице-консульство.

Действительно, 28 февраля 1868 г. Тимаев сообщил, что около его дома появилось множество турецких жандармов во главе с юзбаши (ротным командиром). Тимаев наблюдал из окна как его кавас-мусульманин уговаривал жандармов уйти. Впрочем, возможно, что турки в тот раз пытались арестовать одного из людей Тимаева, серба, которого вице-консул отказывался выдавать.

В марте Тимаев сообщил, что турецкие чиновники (кроме Ариф-бея) написали на него коллективную жалобу в Стамбул, а 26 апреля того же года Игнатъев отправил Тимаеву предписание прибыть к нему, захватив шифры и сдав по пути деньги вице-консульства русскому консулу в Скадаре. Тимаев после писал, что это было вызвано кознями Измаила-паши.

Визит в Стамбул для Тимаева закончился благополучно, и он вернулся в Призрен в начале сентября 1868 г., а в октябре Измаил-паша был отправлен в отставку. На его место назначили Ахмеда Феким-пашу, единственного губернатора, который заслужил положительные отзывы Тимаева. Более полугодом вице-консул не сообщал о своих проблемах с турецкими властями, но в мае Ахмед Феким-паша по неизвестной Тимаеву причине ушел в отставку. Со следующим губернатором, Измаилом-пашой Тепеленлы (внуком знаменитого Али-паши Янинского), отношения Тимаева опять не сложились, и он снова стал отправлять жалобы Игнатъеву. В донесениях всё больше просматривались признаки мании преследования – любой, даже обиденный эпизод, он стал трактовать как провокацию против него или подготовку покушения. Он просил отставку, но вопрос не решался. 15 ноября он отправил Игнатъеву последнее паническое донесение, испещрённое Игнатъевым вопросительными и восклицательными знаками, спустил флаг со своей резиденции и спешно уехал в Скадар.

12 декабря 1869 г. Игнатъев, получив последнее донесение Тимаева, предложил взять ему отпуск и хорошо отдохнуть³³. На его место назначили И.С. Ястребова, ставшего одним из лучших русских консулов на Балканах. Судьбу же Е.М. Тимаева выяснить не удалось – в Архиве МИД его формулярный список не обнаружен.

Донесения первого русского вице-консула в Косово и Метохии рисуют тяжёлую картину края, подверженного анархии и самоуправству албанцев при попустительстве и даже подстрекательстве турецких властей. Для турецких властей сербы были опасным инородным элементом, который они держали в страхе и хотели изгнать. Даже церковные структуры сербов, возглавляемые фанариотами, не могли быть им оплотом, более того, преследовали проявления национального богослужения в сербских церквях.

Само сербское население не могло противопоставить албанцам и туркам ничего, будучи малочисленным и разобщённым, раздираемым внутренними конфликтами. Особняком стоял лишь север края, населённый сербами, сохранившими свою родоплеменную структуру, способную противостоять таким же структурам албанцев. Вопреки всему сербы не покидали край, считая своим долгом сохранять

³³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1869. Д. 2070. Л. 80–80 об.

наследство своих предков, создавших в Старой Сербии древние православные церкви и монастыри.

Косово и Метохия после Крымской войны стало центром притяжения европейских дипломатов, прежде всего Австрии, России, Сербии и Франции. Центром притяжения сербов Косово и Метохии стал построенный ими же дом для русского вице-консульства, где оно искало защиту и покровительство, обращаясь с жалобами на действия властей и албанского населения.

Деятельность русского вице-консульства в Призрене вызывала недовольство и у чиновников в Стамбуле. Е.М. Тимаева не зря предупреждали об этом, предписывая сохранять хорошие отношения с турецкими властями санджака. Но Тимаеву это не удалось – на него обрушилось столько ужасов, которым подвергали православных, он видел столько фактов презрения албанцев даже к вооружённым правительственным отрядам, что не был уверен в собственной безопасности, и всё это негативно повлияло на его психику. Он, даже будучи дипломатом великой державы, не выдержал жизни в крае, показав, что выжить в Косово и Метохии второй половины XIX в. не мог даже дипломат, не говоря уже о совсем бесправных сербах.

Литература:

Селищев А.М. Славянское население в Албании. София, 1931.

М.А. Anisimov

KOSOVO AND METOHIJA IN REPORTS OF THE FIRST RUSSIAN VICE-CONSUL IN PRIZREN E.M. TIMAEV (1866–1869)

Summary

In article on the basis of archival documents activity of the first Russian consul in Prizren E.M. Timaev is presented. On the basis of studying of reports of Timaev the author it is shown, how difficult there were relations between Serbs who were supported by Russian consulate, and Albanians. From Russian reports consul it is visible that the Serbs who were under the pressure of the Turkish authorities and Catholic priests of edge, have been torn apart by internal conflicts and could not render the organized repulse. The author shows a role of the Russian consul in settlement of position of Serbs, and also difficult personal destiny of Timaev in Mitohyai and Prizren.

Keywords: Timaev, the vice-consul, Serbs, Albanians, Kosovo, Prizren, orthodox, the authorities.
